

Ю.В. Лиморенко

DOI: 10.25693/SVGV.2020.33.4.0013

УДК 398.1(=512.211)

Эвенское предание «Кукуюр и дьаланкыр» и сюжетика хосунных преданий

В статье рассматривается сюжет эвенского исторического предания, сходный с сюжетами «хосунной эпопеи», записанной в Западной Якутии у якутов и эвенков. Изучается состав эпизодов предания в сравнении с соответствующими эпизодами якутских и эвенкийских преданий. Для сравнения привлекаются также второй эвенский вариант предания, записанный на Средней Колыме, и нганасанское предание на сходный сюжет. Можно сделать вывод о том, что момский вариант предания соответствует одной из частей более сложных по сюжету текстов якутов и эвенков, в которых нередки повторы эпизодов и рассказы о втором поколении мстителей. Сюжет этой части включает такие эпизоды, как попытка героя убить врага в его доме, ранение врага в ногу, просьба врага убить его поскорее, промахи героя и обездвиживание врага, чтобы легче попасть в него. Показано, что момский вариант предания имеет большее сходство с якутскими и эвенкийскими вариантами, чем со вторым эвенским. Обоснована необходимость дальнейшего изучения несказочной прозы эвенов Якутии для поиска возможных новых эвенских вариантов хосунных преданий.

Ключевые слова: несказочная проза, эвены Якутии, хосунная эпопея, историческое предание, фольклорный сюжет, сюжетный инвариант

Этнический контекст. Предание «Кукуюр и дьаланкыр» было записано автором настоящей статьи на русском языке в 2007 г. в ходе комплексной фольклорно-этнографической экспедиции к эвенкам Момского улуса РС(Я) (полный текст предания см.: [Лиморенко, 2020]). При подготовке текста предания к публикации стало ясно, что многие эпизоды его перекликаются с сюжетами хосунных преданий северных якутов-оленоводо-; примечательно, что тексты этих преданий записывались в Якутии как от якутов, так и от эвенков (об этом подробнее будет сказано ниже). Поэтому новая запись инте-

ресна с точки зрения состава сюжета; в нём прослеживаются элементы как якутских, так и эвенкийских вариантов преданий. Настоящая статья посвящена изучению сюжета предания «Кукуюр и дьаланкыр» с точки зрения особенностей его сюжета в связи с сюжетикой хосунных преданий северной Якутии.

Район р. Мома и Нижней Индигирки – это зона длительного контакта якутов и юкагиров, а впоследствии ещё и эвенов [Гурвич, 1966, с. 268–271]. В настоящее время практически все жители этих территорий владеют якутским языком, который служит средством межнацио-

нального общения. Естественно предположить, что и фольклорные сюжеты, фиксируемые в этой зоне, могут нести черты различных фольклорных традиций. Общая фольклорная ситуация в Момском улусе РС (Я) пока недостаточно изучена, изданных материалов по фольклору этого региона чрезвычайно мало¹, хотя экспедиции последних лет выявляют большое количество исполнителей и разнообразие фольклорных жанров, собираемых в этом улусе. Об итогах фольклорных экспедиций в Момский улус см.: [Илларионова, Павлова, 2017а; Илларионова, Павлова, 2017б].

Из материалов экспедиции 2007 г. только три записи представляют собой исторические предания. Другие образцы несказочной прозы, собранные в ходе экспедиции, – легенды, мифы и мемуары.

Как было показано ранее, названия родов «кукуюр» и «дьаланкыр», по-видимому, представляют собой видоизменённые названия родов кукугир и дельян [Лиморенко, 2020, с. 63]. Оба эти рода известны в историографии. Вот что пишет о них Б.О. Долгих: «О местожительстве дельянов имеется очень мало данных <...> Заметим, что в XIX в. потомки дельянов числились в Колымском округе, тогда как другой зашиверский ламутский род – кукугиры – тогда же числился в Усть-Янском улусе Верхоянского округа. Таким образом, получается, что дельяны в общем жили восточнее кукугиров<...> Территория дельянов целиком находилась в пределах бассейна Колымы и отчасти Индигирки» [Долгих, 1960, с. 531–532].

Сюжет момского эвенского предания. Для дальнейшего анализа рассмотрим краткий пересказ предания «Кукуюр и дьаланкыр» с важными в сюжетном отношении эпизодами.

Молодой охотник-кукуюр отправляется охотиться на диких оленей и встречает другого охотника – дьаланкыра. При прощании они соприкасаются стрелами, на которых осталась кровь; по обычаю эвенов, это означает, что они должны сразиться.

Оба охотника приезжают на условленное место боя вместе с жёнами; жена дьаланкыра беременна. Ночью кукуюр убивает сторожевую собаку врага, пробирается в его чум и бьёт его

копьем, но не поражает насмерть. Дьаланкыр выскакивает из чума и дожидается противника снаружи, но не бьется с ним, а просит убить его поскорее, одним выстрелом. Кукуюр, однако, не попадает в него ни первым, ни вторым выстрелом. Дьалакыр просит привязать его к дереву, и только тогда кукуюр попадает ему в лоб. Перед смертью дьаланкыр просит дать его жене оленя и немного еды, чтобы она добралась до дома. Упоминается, что у дьаланкыра было порвано сухожилие на ноге; возможно, по этой причине он и не стал сражаться дальше.

Кукуюр и его жена уезжают не домой, а в другую сторону и притворяются стариками, зная, что родня убитого будет их искать. К ним действительно приходят люди, разыскивающие дьаланкыра, но охотнику удаётся их обмануть.

Жена дьаланкыра рождает сына. Став взрослым, он встречает девушку, влюбляется и рассказывает о ней матери. Мать понимает, что это дочь кукуюра, убийцы её мужа, но не мешает сыну посвататься, а просит, чтобы он жил в мире с женой. Ссора их отцов была ошибкой. Так два рода породнились.

Эпизоды, значимые для дальнейшего изучения сюжета, следующие:

Между героями нет кровной вражды, их ссора описана как случайность.

Жена дьаланкыра на момент битвы беременна.

Кукуюр убивает сторожевую собаку.

Кукуюр нападает на спящего врага в его доме, но не убивает.

Дьаланкыр не может сражаться из-за раненой ноги.

Дьаланкыр просит убить его поскорее.

Кукуюр дважды промахивается и только на третий раз попадает.

Жена убитого отправляется домой и рождает сына.

Семьи врагов роднятся между собой и живут в мире.

Почему выбраны именно эти сюжетные эпизоды, станет ясно из дальнейшего исследования.

Бытование хосунных преданий и возможные пути их распространения. В книге Г.В. Ксенофонтова «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов» [Ксенофонов,

¹Так, большой материал, собранный комплексной экспедицией 2007 г., пока не расшифрован полностью.

1992б] приведены 18 вариантов преданий о хосунах (героях), записанные в западных районах Якутии: «героические сказания северных якутов-оленеводов и небольшие параллели к ним, записанные у тунгусских племен, соприкасающихся с якутами на северо-западе и юго-западе Якутии и принадлежащих к составу эвенко-тунгусских обитателей правой половины бассейна Енисея» [Там же, с. 224]. Как указывается далее, все записи сделаны в низовьях Лены и Оленька, а один вариант – на р. Анабар (также запад Якутии).

По сюжетному составу предания якутов и тунгусов сильно разнятся: если в якутских вариантах прослеживается единая стойкая сюжетная основа, то в эвенкийских сюжетная канва другая, и лишь некоторые эпизоды совпадают с теми, что имеются в якутских текстах. Похожие по сюжетному строению предания известны у нганасан – коренного населения полуострова Таймыр; к анализу одного такого текста мы обратимся далее в статье.

Момский улус находится в восточной части Республики Саха и граничит с Магаданской областью. Непосредственных пограничных контактов с населением северо-западных районов Якутии жители Момского улуса не имели. Эвены и юкагиры долины Момы занимались либо охотой на пушного зверя (в русских документах XVII–XVIII вв. их называют «пешими»), либо разведением оленей («оленные») [Старков, 2002, с. 25]. Начиная с XVII в., на Мому начали переселяться якуты, сначала из центральных улусов по р. Индигирке, позже – пешим путем с р. Яна [Старостина, 2002, с. 28]. Ни первая, ни последующие волны якутского населения, переселявшегося на Мому, не были охотниками на диких оленей, как якуты северо-западных областей.

Записанные Г.В. Ксенофонтовым «тунгусские» варианты исполнялись эвенками, а не эвенками. Из публикаций эвенского фольклора известен только один образец «хосунного» предания на типично тунгусский сюжет, сходный с сюжетами рассказов о Нургаабыле² (см.: [Ксенофонтов, 1992, с. 268–269]); он опубликован в сборнике «Фольклор эвенов Берёзовки. Образ-

цы шедевров» [Фольклор эвенов Берёзовки, 1995, с. 273–276]. Текст записан в Среднеколымском улусе и также выглядит одиночным; есть ли другие образцы преданий на этот сюжет на востоке Якутии, пока неизвестно. Мы располагаем одним опубликованным эвенским образцом в книге «Фольклор эвенов Берёзовки», а материал экспедиции 2007 г. содержит второй вариант.

Г.В. Ксенофонтов уверенно пишет об «усвоении илимпейскими тунгусами хосунного эпоса северных якутов-оленеводов» [Ксенофонтов, 1992а, с. 348], т.е. о том, что в тунгусской среде предания хосунного цикла заимствованы, несмотря на то, что героев этих преданий сами якуты называли тунгусскими (в данном случае эвенкийскими) именами.

Инвариант сюжета якутского хосунного предания. При изучении вариантов хосунных преданий, собранных Г.В. Ксенофонтовым в его книге, легко увидеть инвариант сюжета, в котором отдельные эпизоды могут меняться местами в каждом конкретном тексте. Чтобы рассмотреть инвариант подробнее, составлена таблица сюжетных эпизодов с указанием вариантов текстов, где они присутствуют (табл. 1). В таблице приведены только якутские варианты, о тунгусских речь пойдёт ниже. Варианты текстов в таблице названы так, как они опубликованы в [Ксенофонтов, 1992б]. В круглых скобках в правом столбце указано количество вариантов каждого эпизода, чтобы показать, какие из них встречаются чаще, а какие реже.

Курсивом в данной и следующих таблицах выделены наиболее частые сюжетные ходы. Как видно, самый постоянный сюжетный эпизод (номер 8) – это момент, когда враг, убегая от преследователей, прыгает через реку и повреждает ногу (чаще его ранят в ногу), из-за чего не может бежать дальше (таких вариантов 9). Другие наиболее частые эпизоды: номер 6 – враг уворачивается от летящих в него стрел (8 вариантов), номер 1 – мотив для мести: убийство врагом брата мстителем (7 вариантов), номер 11 – отрубание мёртвому врагу одной или обеих голени (6 вариантов).

²Имена Нургаабыл, Юнгкээбил(ь) и Энкебил В.А. Туголуков возводит к эвенкийскому имени Онковул, приводя данные об историческом лице, носившем это имя в XVII в. Таким образом, герои хосунных преданий о кровной мести с точки зрения якутов были тунгусами [Туголуков, 1985, с. 203].

Таблица 1

Инвариант якутского сюжета хосунского предания

Эпизоды	Варианты
1. Убийство врагом брата мстителей	Булунский № 1, Есейский № 4, Оленёкский № 8, 2-й булунский № 9, Усть-Янский № 10, 2-й Усть-Янский № 11, 3-й булунский № 13 (7)
2. Птица-душа	Булунский № 1, Оленёкский № 8, Усть-Янский № 10, 2-й Усть-Янский № 11 (4)
3. Мстители пересекли реку, притворяясь оленями/принятые за оленей	Булунский № 1, Есейский № 4, Оленёкский № 8, 2-й Усть-Янский № 11 (4)
4. Пленный слуга-предатель	Булунский № 1, Есейский № 4, Анабарский № 6, Оленёкский № 8, 2-й Усть-Янский № 11 (5)
5. Враг брал мясо тыльной стороной ладоней	Булунский № 1, Оленёкский № 8, 2-й Усть-Янский № 11 (3)
6. Враг уворачивается от стрел	Булунский № 1, Есейский № 4, Анабарский № 6, Анабарский № 7, Оленёкский № 8, 2-й булунский № 9, Усть-Янский № 10, 3-й булунский № 13 (8)
7. Младший брат бросает старшему колчан/лук/лук и стрелы	Булунский № 1, Анабарский № 6, Оленёкский № 8, 2-й булунский № 9 (4)
8. При прыжке через реку врагу повреждают ногу	Булунский № 1, Есейский № 4, Анабарский № 6, Анабарский № 7, Оленёкский № 8, 2-й булунский № 9, Усть-Янский № 10, 2-й Усть-Янский № 11, 3-й булунский № 13 (9)
9. Врагу срезают косу	Булунский № 1, Анабарский № 6, 3-й булунский № 13 (3)
10. Мстители пробуют костный мозг врага	Булунский № 1, Есейский № 4, Анабарский № 6, Оленёкский № 8 (4)
11. Врагу отрубают голень/обе голени	Булунский № 1, Анабарский № 6, Оленёкский № 8, 2-й булунский № 9, Усть-Янский № 10, 2-й Усть-Янский № 11 (6)
12. Мать/отец мстителей вешается, увидев косу убитого врага	Булунский № 1, Анабарский № 7 (2)
13. Окропление оружия кровью перед битвой	Есейский № 4, Анабарский № 7 (2)
14. Враг признаёт своим победителем младшего брата	Есейский № 4, Анабарский № 6, Оленёкский № 8, 2-й булунский № 9, Усть-Янский № 10 (5)
15. Враг просит убить его, завязав глаза	Есейский № 4, Анабарский № 7 (2)
16. Жену и всё имущество врага забирают победители	Есейский № 4, 2-й булунский № 9 (2)
17. Враг просит убить его поскорее	Анабарский № 6, 2-й булунский № 9, 2-й Усть-Янский № 11 (3)
18. Герой заходит в дом врага и атакует его	№ 14

Сравнение эвенских вариантов предания. Рассмотрим строение сюжета предания, опубликованного в книге «Фольклор эвенков Берё-

зовки», выделив ключевые эпизоды, и сравним его с момским вариантом. Для удобства эпизоды обоих вариантов сведены в таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение эвенских вариантов предания

Момский вариант «Кукуюр и дьаланкыр»	Среднеколымский вариант «Один человек искал равного»
Между героями нет кровной вражды, их ссора описана как случайность	Между героями нет кровной вражды, но второй герой хочет напасть на первого
Жена дьаланкыра на момент битвы беременна	У второго героя есть жена и дети
Кукуюр убивает сторожевую собаку	(мотив отсутствует)
Кукуюр нападает на спящего врага в его доме, но не убивает	Первый герой нападает на спящего второго в его доме, но не убивает
Дьаланкыр не может сражаться из-за раненой ноги	(мотив отсутствует)
Дьаланкыр просит убить его поскорее	Второй герой просит убить его поскорее
Кукуюр дважды промахивается и только на третий раз попадает	Первый герой стреляет и промахивается
Жена убитого отправляется домой и рождает сына	Первый герой убивает детей второго
(мотив отсутствует)	Жена убитого просит брата отомстить жене убийцы
Семьи врагов роднятся между собой и живут в мире	Брат не хочет убивать женщину – «перед людьми стыдно будет»

В сюжете момского предания, как мы видели выше, присутствует часть сюжетных эпизодов, приведенных в таблице как элементы инварианта сюжета якутских преданий. Так, эвенский богатырь тоже повреждает врагу ногу, хотя в эпизоде нет прыжка через реку – дьаланкыр ранен при первой попытке кукуюра его убить. Раненый враг, как и в якутских вариантах, просит убить его поскорее, но кукуюр дважды не попадает в него – ещё одно совпадение с якутскими вариантами с небольшим отличием: враг не убегает, уворачиваясь от стрел, герой просто промахивается по неизвестной причине. Важно совпадение эпизодов, в которых герой заходит в дом врага и ранит его там (дальнейшее сражение происходит снаружи). Частично совпадают ещё два эпизода. Во-первых, в эвенском предании дьаланкыр, чтобы наверняка дать себя убить, просит привязать его к дереву; в якутских вариантах (номер 15) враг предла-

гает с той же целью завязать ему глаза. Во-вторых, и эвенский, и якутский герой сражаются окровавленным оружием, хотя в эвенском предании на стреле кровь оленей, а в якутских вариантах на копье кровь человека, убитого заранее (номер 13).

Вместе с тем в момском предании важную роль играют сюжетные эпизоды, отсутствующие в якутских текстах. 1) Нет мотива для ссоры (исполнитель объясняет дальнейший поединок не враждой героев, а обычаем: «На его стреле уже кровь, значит, договор будет такой: будем биться» [Лиморенко, 2020, с. 66]). 2) Жена дьаланкыра беременна, пол ребёнка ещё не известен. 3) Кукуюр убивает сторожевую собаку. 4) Кукуюр нападает на врага в его доме, пока он спит. 5) Жена убитого едет домой, и у неё рождается сын. 6) Семьи врагов роднятся через брак сына дьаланкыра и дочери кукуюра и с тех пор живут в мире.

Колымский вариант показывает меньше сюжетных совпадений с якутскими версиями, чем момский: в нём встречаются только эпизод с нападением на врага в его доме, эпизод с выстрелом и промахом и просьба врага убить его поскорее. Подробности промаха и последующего убийства (завязанные глаза или привязывание к дереву) не сообщаются, поэтому нельзя утверждать, что совпадение эпизодов полное.

Мотив замирения врагов для хосунных преданий якутов вообще не характерен; в них либо всё, что происходит после битвы и возвращения героев домой, остаётся за рамками повествования, либо начинается рассказ о мстителе второго поколения – выжившем сыне убитого (см., напр., варианты в [Ксенофонтов, 1992а, с. 358–360]. Как мы видели, в момском варианте у убитого дьаланкыра также рождается сын, но мать уговаривает его не лить кровь, и вместо кровной мести убийце отца он женится на его

дочери. В колымском тексте шурин убитого также отказывается от кровной мести, но речь здесь идёт об убийстве жены врага, а не самого врага.

При значительном сходстве сюжетов момского и колымского преданий колымский сюжет сильно отличается от якутских вариантов по составу значимых эпизодов.

Целесообразным будет теперь сравнить строение сюжета эвенских текстов с аналогичными тунгусскими (эвенкийскими), записей которых нам известно несколько больше.

Инвариант тунгусских преданий. Чтобы наглядно показать, как сюжеты тунгусских преданий о *сонингах* (героях), опубликованные в книге Г.В. Ксенофонтова, соотносятся с якутскими сюжетами, мы представили инвариант тунгусского сюжета в виде таблицы (табл. 3). Жирным шрифтом в левом столбце отмечены эпизоды, совпадающие с эпизодами из якутских хосунных преданий.

Таблица 3

Инвариант сюжета тунгусского предания в записях Ксенофонтова

1. Герой перебил родственников мальчика	№ 15 Нургаабыл; X Илимпейский вар.; XI Кондагирский;
2. Мальчик готовится к мести	№ 15 Нургаабыл; X Илимпейский вар.; XI Кондагирский
3. Мститель вызывает героя на бой	№ 15 Нургаабыл
4. Мститель убивает героя	№ 15 Нургаабыл
5. Герой/мститель выпускает несколько стрел подряд	№ 15 Нургаабыл; № 16 Нургаабыл;
6. Герой ловит вражеские стрелы руками	№ 16 Нургаабыл
7. Уворачивается от стрел/пули	№ 16 Нургаабыл; № 17 Нургаабыл и русские; X Илимпейский вар.
8. Герой мирится с мстителем	№ 16 Нургаабыл
9. Герой не берет мясо пальцами	X Илимпейский вар.
10. При прыжке через реку врагу повреждают ногу	№ 16 Нургаабыл; X Илимпейский вар.
11. Герой закрывает глаза, и его убивают	X Илимпейский вар.
12. Мститель женится на дочери убийцы	X Илимпейский вар.; XI Кондагирский
13. Тесть пытается убить зятя-мстителя	X Илимпейский вар.

Как можно видеть, сюжетных эпизодов здесь меньше, и сам сюжет фокусируется на мести сына за отца, а не на попытке отмщения за брата. Интересно, что эпизод нападения тестя на

зятя встречается только в одном варианте, в том время как замирение убийцы и мстителя, породившихся через брак, отмечено в двух вариантах. Относительно этого различия Г.В. Ксено-

фонтов замечает: «...в более разработанных вариантах, сохранившихся у якутов Жиганского улуса и у есейских, повод к мести ограничивается убийством брата, а в рассказах анабарских и устьянских якутов, илимпейских и кондагирских тунгусов разработан по преимуществу сюжет мести сына. Из этих двух конкурирующих сюжетов мечь сына можно признать более древним и основным. В этом убеждают нас сказания кондагирских тунгусов о Нургаабыле, сохранившиеся в форме безыскусственного рассказа, лишённого художественной обработки» [Ксенофонтов, 1992б, с. 364–365].

Чтобы дополнить инвариант, рассмотрим эвенкийские предания из других источников. К циклу преданий о кровной мести относятся тек-

сты, опубликованные Г.М. Василевич в книге «Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания» [Василевич, 1966]. Сюжетных пересечений с тунгусскими преданиями Ксенофонтова у них немало, начиная с имени героя: Нургаабыл (у Ксенофонтова) – Нурговуль (у Василевич). Рассмотрим также полный текст предания «Урэн и Молюна» [Васильев, 1908], который Г.В. Ксенофонтов приводит в сокращении, упустив некоторые важные эпизоды. Ниже приведём дополненную таблицу сюжетных эпизодов эвенкийского цикла преданий о кровной мести богатыря (табл. 4). Под цифрой 1) указаны варианты из книги Ксенофонтова, под цифрой 2) – из сборника Василевич, под цифрой 3) – из публикации Васильева.

Таблица 4

Инвариант сюжета тунгусского предания по трём источникам

1. Герой перебил родственников мальчика	1) № 15 Нургаабыл; XI Кондагирский; 2) 25 Урон; 26 Урон и Унгковуль; 3) Урэн и Молюна
2. Мальчик готовится к мести	1) № 15 Нургаабыл; XI Кондагирский; 2) 25 Урон; 26 Урон и Унгковуль; 3) Урэн и Молюна
3. Мститель вызывает героя на бой	1) № 15 Нургаабыл
4. Мститель убивает героя	1) № 15 Нургаабыл; 2) 25 Урон
5. Мститель нападает на героя в доме	2) 25 Урон; 26 Урон и Унгковуль
6. Несколько стрел подряд	1) № 15 Нургаабыл; № 16 Нургаабыл;
7. Герой ловит вражеские стрелы руками	1) № 16 Нургаабыл
8. Герой уворачивается от стрел/пули	1) № 16 Нургаабыл; № 17 Нургаабыл и русские; X Илимпейский вар.; 2) 23 Нурговуль; 26 Урон и Унгковуль
9. В героя стреляют, но промахиваются	2) 23 Нурговуль; 24 Олувуль и Нурговуль
10. Герой мирится с мстителем	1) № 16 Нургаабыл
11. Герой не берет мясо пальцами	3) Урэн и Молюна
12. При прыжке через реку врагу повреждают ногу	3) Урэн и Молюна
13. Герой закрывает глаза, и его убивают	1) X Илимпейский вар.; 3) Урэн и Молюна
14. Мститель женится на дочери убийцы	1) XI Кондагирский; 3) Урэн и Молюна
15. Тесть пытается убить зятя-мстителя	3) Урэн и Молюна
16. У героя/мстителя волосатое сердце (сердца)	2) 25 Урон
17. У героя/мстителя два сердца	2) 23 Нурговуль; 26 Урон и Унгковуль
18. Предатель из стойбища героя	2) 26 Урон и Унгковуль; 3) Урэн и Молюна
19. У героя ломается лук	2) 26 Урон и Унгковуль
20. Герой просит завязать ему глаза, потом убить	2) 26 Урон и Унгковуль

Опираясь на вышеприведённые данные, мы можем определить инвариант эвенкийского хо-сунного предания по изученным источникам и выделить наиболее частые эпизоды. К ним относятся следующие: герой убивает родственников мальчика (6 вариантов), мальчик готовится к мести (6 вариантов), герой уворачивается от стрел (5 вариантов), мститель женится на дочери убийцы (3 варианта), у героя или у мстителя два сердца, предатель из стойбища героя, при прыжке через реку врагу повреждают ногу, герой не берёт мясо пальцами, в героя стреляют, но промахиваются (по 2 варианта). Как можно видеть, частота эпизодов в сравнении с якутскими вариантами другая, а с эвенскими пересечений совсем немного: эпизод с промахом стреляющего персонажа и отчасти эпизод с раненой ногой.

Сравнение с нганасанским вариантом. Несколько общих эпизодов эвенские варианты показывают с вариантом нганасанского предания «Кабюме фату» [Сказки и предания нганасан, 1976, с. 182–198]. Ниже покажем в виде таблицы соотношение значимых эпизодов повествования в момском предании и в нганасанском тексте. Основные различия между ними в том, что, во-первых, в момском предании персонаж нападает на хозяина чума, а в нганасанском герой пытается убить своего гостя у себя в доме; во-вторых, в нганасанском тексте эпизод единоборства повторяется трижды, в момском он один. Жирным шрифтом отмечены совпадающие эпизоды (табл. 5).

Как видим, общие эпизоды касаются только обстоятельств самого поединка: убитая собака,

Таблица 5

Сравнение нганасанского и эвенского (момского) вариантов

Кукуюр и дьаланкыр	Кабюме фату
	К герою приходит шитолицый
<i>Кукуюр убивает сторожевую собаку</i>	<i>Ночью герой идёт по его следам, находит его лук и стрелы, портит их; убивает собаку, забирает палму (этот эпизод повторяется трижды)</i>
(мотив отсутствует)	Герой зовёт гостя и, когда он выглядывает из чума, стреляет в него, дважды промахивается
<i>Дьаланкыр не может сражаться из-за раненой ноги</i>	<i>Враг убегает, герой ранит его в ногу</i>
<i>Дьаланкыр просит убить его поскорее</i>	<i>Враг просит убить его поскорее, чтобы не мучился, герой убивает его сидящего</i>
Кукуюр дважды промахивается и только на третий раз попадает	(мотив отсутствует)
(мотив отсутствует)	Герой разрезает грудь врагу – у него два сердца: обычное и мохнатое. Герой съедает кусочек мохнатого сердца
(мотив отсутствует)	Брат шитолицего приходит к герою и предлагает сразиться
(мотив отсутствует)	Третий брат нападает на героя, убивает его и его жену, похищает дочь. Сын героя бежит к другим тунгусам
(мотив отсутствует)	Третий брат приходит к сыну героя и предлагает ему сразиться: если сын героя победит, то заберёт сестру
(мотив отсутствует)	Сын героя истребляет врагов

раненая нога, просьба врага добить его поскорее, в остальном ход сюжета обоих преданий не совпадает.

Из всего сказанного выше следует, что момский вариант предания о поединке героев показывает заметное сходство с якутскими, отчасти с эвенкийскими и нганасанским вариантами сюжета и при этом значительно отличается от второго эвенского (колымского) варианта. Можно видеть, что сложность и цикличность якутских вариантов, а также богатство подробностей, характерных для эвенкийских текстов, в момском тексте не отразились. Он краток, не содержит типичного для якутских и части эвенкийских вариантов рассказа о мести героя второго поколения (вместо этого, как и в ряде эвенкийских текстов, дети врагов заключают брак).

Рассматривая инварианты сюжета в разных традициях, мы приходим к выводу, что эвенское предание «Кукуюр и дьаланкыр» представляет по сути одну из «глав» инварианта, касающуюся непосредственно поединка героев. Важные эпизоды этой «главы», имеющиеся в преданиях якутов и эвенков, – это попытка убийства врага в его доме, промахи при выстрелах во врага с близкого расстояния, поврежденная нога врага, просьба врага убить его поскорее и его обездвиживание (привязывание, аналогичное завязыванию глаз), чтобы облегчить попадание в него.

На основании изучения всего двух эвенских записей нельзя сделать вывод о том, какими путями хосунный сюжет проник в Момский улус, однако важно то, что момский текст – одна из самых восточных записей предания на хосунный сюжет, известных на настоящий момент; таким образом, ареал распространения сюжета в его ядерной части – от Таймыра до Восточной Якутии.

Литература

- Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. – М.; Л.: Наука, 1966. – 400 с.
- Васильев В. Тунгусскія преданія // Живая старина. Вып. III. – СПб, 1908. – С. 363 – 367.
- Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 278 с.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с.
- Илларионова Т.В., Павлова О.К. Момская эпическая традиция якутов: олонхосуты, система образов // Вестник СВФУ: Серия Эпосоведение. – 2017а. – № 4 (08). – С. 99–104.
- Илларионова Т.В., Павлова О.К. Поэтический фольклор Момского улуса Республики Саха (Якутия) (по итогам экспедиции 2017 года) // Мир науки, культуры, образования. – 2017б. – № 6 (67). – С. 520–522.
- Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 1. – Якутск: Нац. кн. Изд-во Республики Саха (Якутия), 1992а. – 416 с. Т. 1. Кн. 2. – Якутск: Нац. кн. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992б. – 315 с.
- Лиморенко Ю.В. Эвенские исторические предания, записанные на русском языке: практика расшифровки и комментирования // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2020. – № 1 (вып. 39). – С. 62–70.
- Сказки и предания нганасан. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1976. – 341 с. («Сказки и мифы народов Востока»).
- Старков П.Н. Далекая старина // Момский улус. История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2002. – С. 24–27.
- Старостина М.И. Заселение Момы якутами. Христианизация. Родоначальники. Благотворительность // Момский улус. История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2002. – С. 28–48.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 286 с.
- Фольклор эвенов Берёзовки. Образцы шедевров. Сост. В.А. Роббек. – Якутск, 2005. – 260 с.

Iu. V. Limorenko

The Even Legend “Kukuyur and Dalankyr” and the Plot of the Khosun Legends

The article examines the plot of the Even legend collected on Moma region about a quarrel between two heroes from different clans; this plot in many episodes is close to the plots of the “khosun legends”, known among the Yakuts and Evenks of Western Yakutia. In the center of the legend about “khosuns” (heroes) – the murder of relatives and revenge for them, sometimes it is also told about the second generation of heroes and their strife.

The article studies the composition of the episodes of the Even legend in comparison with the corresponding episodes of the Yakut and Evenk legends. For comparison, the second Even version of the legend, recorded in the Middle Kolyma, and the Nganasan legend on a similar plot are also used. The Even plot is less rich and complex than the Yakut and Evenk texts. It is concluded that the Moma's version of the legend according to the plot corresponds to one part of the more complex Yakut and Evenk texts. The plot of this part includes such episodes as the hero's attempt to kill the enemy in his house, wounding the enemy in the leg, asking the enemy to kill him as soon as possible, the hero's misses and immobilizing the enemy so that it is easier to shoot him.

Keywords: non-fairytale prose, Evens of Yakutia, khosun legends, historical legend, folklore plot, plot invariant